

— Елена Васильевна, вы любите давать интервью?

— Н. Е. Мне кажется, в этом занятии есть элемент праздности. Я люблю интервью об искусстве, а когда речь идет обо всем понемножку, я не получаю удовлетворения от такого общения с журналистом.

— Что ж, давайте поговорим об искусстве. Над чем вы сейчас работаете?

— Для выступлений в России я сейчас готовлю с Важей Николаевичем Чачава две большие, очень интересные концертные программы: один концерт будет состоять из произведений Форе и Гранадо, в другом — прозвучит музыка Брамса и Свиридова. Это совершенно новый для меня материал, и я с огромным увлечением над ним работаю.

Что же касается ближайших гастролей за рубежом, то мне предстоит поездка в Испанию. В Мадриде я буду исполнять Девятую симфонию Бетховена, а в Барселоне вместе с Катей Ричарелли спою маленькую мессу Россини.

— Слушая вас, я поймала себя на мысли, что вы спокойно отделяете свою жизнь от всего цивилизованного мира, а ведь для искусства это не менее, а может быть, и более губительно, чем для других

просто сидеть и ждать приглашений и контрактов. Потому что каждая новая выученная вещь заставляет певца придумать новый прием пения — чем больше произведений ты поешь, тем больше ты умеешь. Должно также и слушать много музыки (и «живьем», и в записях), чтобы знать и понимать мировой уровень, к которому надо стремиться. Артист, выходящий на сцену, обязан четко представлять себе, для чего он это делает и что хочет сказать своим зрителям. Только тогда ему улыбнется Фортуна, может быть!

— Ваши творческие идеалы — какие они?

— В данный момент как таковых идеалов нет. Потому что, чем больше работаешь, тем больше хочешь и умеешь, тем выше требования не только к себе, но и к коллегам. Если же говорить о том, на чьем творчестве я воспитывалась, то это и Обухова, и Каллас, и Тебальди, и Симионато, и многие другие... (если мы говорим о певцах).

— Какое чувство вы испытываете, узнав, что ваша дочь хочет пойти по материнским стопам? Ведь вы прекрасно знаете, что ей будет в сто крат сложнее, чем вам, хотя бы потому, что ее все время будут сопоставлять с несравнимой Еленой Образцовой.

— Я всегда была против того,

Образцова Елена

26/11 - 1992

Елена ОБРАЗЦОВА:

«ЕСЛИ ТЕБЕ ДАН ТАЛАНТ, ТЫ ДОЛЖЕН ОТСЛУЖИТЬ ЕГО ГОСПОДУ БОГУ»

сфер бытия. Как вы думаете, долго ли еще нам предстоит вести подобное «резервуарное» существование?

— Думаю, как только в наше искусство придут настоящие профессионалы (а они у нас есть, только им не дают «выбраться» наружу), то у нас тут же возникнет подлинная контрактная система, и мы сразу получим постоянную возможность слушать лучших иностранных вокалистов в нашей стране, а лучшие отечественные певцы будут одинаково много петь и за границей, и дома.

— Рассказывая о своих планах, вы ни слова не сказали о работе в Большом театре...

— В этом сезоне я уже пела в Большом театре и непременно еще спою. Надеюсь, что в этом году мне удастся выходить на эту сцену даже чаще, чем в прошлом сезоне.

— Сейчас стали поговаривать, что пресса слишком много ругает творческую политику Большого театра. Но эта политика все равно к лучшему не изменится. Где же, по-вашему, кроется выход из складывающейся тупиковой ситуации?

— Выход в том, чтобы найти людей, профессиональных в своем деле. Нужно пригласить хороших дирижеров, которые в России еще не перевелись, необходимо также подумать и о профессиональной администрации. Иногда люди, уже работающие в театре, не могут проявить себя из-за того, что они скованы не только взаимоотношениями с другими людьми, но и той системой, которая установлена. Правда, недавно Борис Николаевич Ельцин подписал указ, дающий директору театра почти «императорские» права, и хочется верить, что наш директор сможет ими воспользоваться.

А что до прессы, там тоже должны работать люди знающие, любящие то, о чем они пишут и говорят, тогда к их мнению непременно будут прислушиваться. Но, к сожалению, столь необходимое понимание вопроса, свое мнение о котором журналисты выносят на полосы газет, телевидение и радио, зачастую отсутствует. Мне бывает очень смешно, когда вместо дела начинаются разговоры вообще вокруг и около проблемы, а проблема не затрагивается ими, если что-то ругают — не дают путь решения этой проблемы.

— А как вы относитесь к критике в свой адрес?

— Когда критикует умный человек, то я ему только благодарна и отношусь к этому очень хорошо. Вообще же у нас очень мало специалистов, оценка которых вызывала бы уважение и воспринималась бы серьезно. Ведь критик обязан быть в своем деле профессионалом не меньшим, чем тот исполнитель, чье выступление он рецензирует (или чуть меньшим).

— Какой вопрос вы задаете сами себе чаще всего после своего выступления?

— Самоанализ идет постоянно, поэтому после своего выступления я сразу могу указать на все свои недостатки и ошибки.

— Что раздражает вас в современном оперном искусстве?

— Отсутствие профессионализма, с которым приходится сталкиваться гораздо чаще, чем этого бы хотелось.

— А какими профессиональными секретами вы делитесь со своими учениками?

— У меня нет от них никаких профессиональных секретов — только личная, приватная жизнь. Я люблю всех своих учеников и хочу помочь всем без исключения, даже приходящим «со стороны».

— Что вы можете пожелать всем молодым певцам? Существуют ли какие-то заповеди Образцовой?

— Каждый певец должен знать, что никто не сможет научить его петь. Он может это сделать только сам, педагог здесь лишь помощник. Человеку, занимающемуся вокалом, необходимо обладать невероятной волей к труду; покамолод, учить много музыки — до сорока пяти лет нужно овладеть всем репертуаром, подходящим его голосу, а не

Вег Москва - 1992 - 26 ноября - 0.5

«Она действительно рождена для сцены, она — актриса с самым сильным сценическим «персоналитетом» — эти слова маэстро Клаудио Аббадо как нельзя лучше раскрывают источник всемирной любви к Елене Образцовой. Именно в музыке и сцене смысл ее жизни, поэтому каждое выступление певицы становится подлинным праздником, каждая спетая ею партия, будь то Любаша, Кармен или Графиня, является национальным достоянием России.

чтобы она училась пению. И только год назад я почувствовала, что может что-то получить, но все будет зависеть от ее ума и трудолюбия.

— Существует мнение, что оперной примадонне очень сложно создать гармоничный семейный очаг. Вы можете сказать про себя, что талантливы в личной жизни?

— Нет, нет. Весь талант ушел в пение.

— Вы можете назвать себя любящей натурой?

— Нет. Любовь посещала мое сердце лишь трижды.

— Вам повезло в жизни с друзьями?

— Да. У меня их немного, но могу сказать, что они настоящие.

— Хорошие взаимоотношения с коллегами в жизни являются ли непременным условием успешного партнерства на сцене?

— Нет, они не обязательны, но все же очень желательны.

— Вы общались с великими певцами не одного поколения. Всех ли из них вы могли бы назвать истинными интеллигентами?

— Нет, нет, конечно. Из тех, с кем мне доводилось встречаться, их очень мало.

— Все люди искусства суеверны...

— Не все, но многие, и я в их числе...

— Вы можете рассказать о своих приметах?

— Нет. Не надо об этом.

— Как вам кажется: возможно ли привыкнуть к профессии певца?

— Невозможно. Ведь это наша жизнь. Это все равно что спросить:

можно ли привыкнуть к жизни? Пустая бравада, когда актеры начинают говорить, что им незнакомо волнение перед выходом на сцену. Потому что судьба в искусстве, по большому счету, есть преодоление себя и обстоятельств вокруг.

— Находясь на сцене, вы всегда подчиняете создаваемый вами образ своему собственному «я»?

— Нет. Я могу делать на сцене вещи, абсолютно не присущие моей натуре. Я полностью погружаюсь в тот образ, который создаю. Моя героиня властвует над моим «я».

Этого не могут понять некоторые режиссеры, из-за чего у меня с ними часто возникают конфликты.

— Что для вас слава примадонны?

— Ничего. Я так много работаю, что порой испытываю чувство, как будто популярность не имеет ко мне никакого отношения. Может быть, потом, когда я покину сцену, то ощущение славы и поселится в моей душе, но сегодня это понятие во мне не занимает никакого места.

— Какая она — публика Елены Образцовой?

— Очень любимая. Я чувствую «свою» публику и знаю, что мне уже не надо ее завоевывать. А вот когда зритель «не мой», тогда мне необходимо его «взять», сделать своим. Раньше я «выхватывала» из зала отдельные лица и пыталась спеть каждому понемногу. Сейчас же меня научили знакомые экстрасенсы воспринимать аудиторию как единое целое, и это гораздо лучше и для меня, и для слушателей.

— Популярность влечет за собой

вмешательство в личную жизнь. Как вы воспринимаете такое ее проявление, как слухи и сплетни?

— Я не обращаю на них внимания. Мне не интересно, что думают и говорят обо мне. Меня волнует только то, что будет думать обо мне Бог. Потому что, если тебе дан талант, ты должен отслужить его Господу.

— Что помогло вам в стране «оттального» коммунизма сделать головокругительную карьеру, не только избежав членства в этой партии, но и не скрывая своих религиозных взглядов?

— Прежде всего моя Вера. Я всегда четко знала, что мне не следует вступать в партию, и постоянно шла на маленькие хитрости: сначала говорила, что если я стану коммунистом, то все начнут думать, что я делаю свою карьеру (тогда это считалось плохим тоном). А когда я стала всемирно известной певицей, то я сказала, что каждый человек должен делать только то, что он умеет профессионально, что я не смогу хорошо заниматься сразу двумя делами и в партии от меня не будет никакого толку. И это было правдой.

— С судьбой какого литературного персонажа вы рискнули бы сравнить историю своей жизни?

— Ой, не знаю. Это очень сложный вопрос. А, может быть, вообще не стоит сравнивать, ведь любая личность индивидуальна. У каждого своя судьба, в которой трудно что-либо изменить, — никому не дано занять чужое место. Поэтому я никогда и не боялась своих соперниц.

— Кто в данный момент является вашим импресарио?

— Испанка Глория Вилардель занимается моими гастрольями почти по всему земному шару, кроме Востока, где мои интересы представляет импресарская фирма «Japan arts».

— Вы когда-нибудь получали предложение сняться в художественном фильме или сыграть роль в драматическом спектакле?

— Франко Дзеффирелли в 1978 году приглашал меня на главную роль в фильме про императрицу Екатерину II. Но режиссерскую трактовку этого образа нельзя было назвать целомудренной, и я не приняла этого предложения, особенно в то время. Выйти же на драматические подмостки мне никто не предлагал, а мне бы этого очень хотелось. Полагаю, что с актерской точки зрения я бы смогла что-то интересное сказать зрителю. Хотя Никита Михалков, посмотрев в Большом мою Сантуццу, хотел мне что-то предложить, но, видимо, забыл.

— А что составляет ваш отдых?

— Со мной всегда Бог и Евангелие, которое я читаю каждый вечер перед сном. Всякому человеку нужно знать его, потому что только тогда становятся понятны и жизнь, и отношения между людьми — это же источник того самого духовного успокоения, без которого нет истинной жизни. Я искренне призываю всех, кто еще не читает Евангелие, делать это.

— Вам близок эпистолярный жанр?

— Я пишу, и пишу очень много, и очень хорошо тогда, когда меня к этому что-то побуждает. Я берусь за ручку только в той ситуации, когда испытываю в этом потребность.

— Елена Образцова подарит нам вторую книгу?

— Да, наверное, поскольку я уже очень много написала...

— Каким вы хотите видеть свое будущее?

— Хочу, чтобы моя дочь была Человеком и профессионалом, чтобы мой внук вырос и стал мне помощником и опорой в жизни. Хочу, чтобы любовь не покинула меня до самой старости, чтобы я была нужна людям, чтобы сумела передать своим ученикам то, чему сама научилась. А в своих молитвах я прошу Господа только об одном: дать мне умереть сначала, а потом — закончить петь...

Мария БАБАЛОВА.